

АЛЕКСАНДР ДУБИНЬСКИ

(Варшава)

Обновление караимского языка в первой половине
нашего столетия

В ходе исторически сложившихся обстоятельств часть караимского населения Крыма в XIII–XIV столетиях была поселена в Литве и Польше, где и проживает до настоящего времени. Таким образом караимский язык оторван от тюркской почвы на протяжении столетий существовал в окружении совсем других языковых структур. Сохраняя свой тюркский характер и зачастую архаичные формы, неизвестные в ряде других родственных языков, одновременно он подвергался постоянному влиянию окружающей среды. Явление это вполне естественно, так как оно вытекает из повседневной необходимости взаимных контактов караимской общечественности с окружающим иноязычным населением. В итоге так сложившейся ситуации стали проникать заимствования славянские а также литовские прежде всего в словарный состав разговорного языка. Говоря о славянском влиянии уместно подчеркнуть, что подобного рода заимствования были освоены тюркским языком армян, проживающих в пределах западной Украины и Польши¹.

Тематику связанную с лексикой караимского языка кажется целесообразным представить в Сборнике предназначенном Юбиляру, которому вопросы кыпчакской ветви тюркских языков, не безразличны.

Как известно, самой подвижной частью тюркских языков является их словарный состав, тогда как грамматический строй не подлежит столь резким изменениям. Это относится не только к кыпчакским, а в равной

¹ Подробнее о славянском влиянии см.: А. Дубиньски, *Славянские элементы в тюркских языках на территории Польши, Литвы и Украины. Problemy języków Azji i Afryki*, Warszawa 1987, с. 175–185.

степени также к огузским языкам, к которым зачисляется м. проч. турецкий. В конце двадцатых годов нашего века пачинаются в Турции глубокие языковые реформы, которым позднее присвоено наименование *dil devrimi* (языковая революция). Относится это в первую очередь к турецкой лексике, которая подвергалась сильному иноязычному влиянию. В прошлом столетии и в первой четверти нашего века турецкое предложение характеризовалось тем, что неоднократно в начале фразы было турецкое *bir* и в ее конце — турецкое *dir*. Между ними преобладала пестрота арабских, персидских и отчасти западноевропейских заимствований. Такая обстановка привела к необходимости проведения глубоких языковых перемен. В области лексики оказалось неизбежным устранение заимствований и введение на их место слов тюркского происхождения.

Здесь можно поставить вопрос: какое это имеет отношение к обповлечению языка караимского населения в довоенной Польше а также в Литве. Отвечая на этот вопрос необходимо представить, пусть даже в основных чертах, характеристику караимского языка двадцатых-тридцатых годов нашего столетия.

Выше указывалось на то, что караимский язык сохраняя древние черты, все больше подвергался влиянию языков окружающей среды. К сказанному уместно добавить, что подобно тому как в турецкий словарный состав входили арабские слова главным образом религиозного содержания, в караимский пропикали, правда в намного меньшем масштабе, библейские гебраизмы. Весь этот процесс способствовал наращиванию разницы между письменным языком и его разговорной формой. Сохранению исконно тюркского пласта способствовало то обстоятельство, что караимский язык с давних времен был допущен к богослужению. Таким образом старая тюркская лексика сохранилась преимущественно в текстах религиозного характера. Одновременно однако, усиливался напор иноязычных заимствований, которые постепенно занимали место коренных тюркских слов. Любопытно отметить, что те же караимские богословы читая религиозные произведения великолепно понимали выступающие в них тюркские слова, но стоило им только удалиться за пределы храма, как тут же в их разговоре появлялись славянские заимствования. В качестве примера можно указать на засвидетельствованное в текстах слово „отрач” означающее ‘остров’, которое в разговорной форме превращалось теми же богословами (да и не только) в польское „выспа” правда, с караимским ударением на последнем слоге; другой пример „тав” слово означающее ‘гора’ в обиходной речи заменялось в русское „гора”. Можно это объяснить м.проч. стремлением говорящего быть понятым всеми.

Придерживаясь турецкого примера уместно добавить, что лишившись заимствований в Турции оказалось необходимым введение взамен слов

турецких или, в более широком плане, тюркского происхождения. Благодаря этому, среди других понадобилась также тюркская лексика запечатлена в памятниках караимской письменности. В итоге, в начале тридцатых годов турецкими языковедами был составлен список довольно большого количества слов для внедрения их в турецкий словарный фонд. В их числе находились также далеко не на последнем плане слова тюркского происхождения почерпнуты из языка литовско-польских караимов. Список этих слов был опубликован в словаре „*Tarama Dergisi*”.

Как уже знаем, в виду скопления многочисленных заимствований и тем самым искажения коренного характера караимского языка, появилась необходимость в его реформировании. Стремления к обновлению языка, главным образом словарного состава, стали полностью осуществляться в Польше, а затем в Литовской республике в двадцатых-тридцатых годах нашего столетия. Немногим раньше были начаты языковые реформы в Турции. Именно оттуда проникали главные направления проводимых языковых преобразований.

Так получилось, что 1928 год, в котором было принято в Турции постановление о введении нового алфавита, оказался чреватым последствиями в общественной жизни караимов средневосточной Европы. В этом году из Турции в Польшу переселился известный востоковед проф. С.М. Шапшал (1873–1961) после избрания его на пост духовного и светского предводителя караимов. Начало турецкой „языковой революции”, которой не мог не интересоваться Шапшал-тюрколог, совпало с его выездом из Турции. Всё же, он не сорвал с Турцией, а наоборот, поддерживал постоянные тесные связи с турецкими учеными и несколько лет спустя довольно часто посещал эту страну. Принимая активное участие в конгрессах турецких языковедов, он был постоянно осведомлен о проводимых реформах в области языка. Как уроженец Крыма С.М. Шапшал не употреблял в языковой практике диалект литовско-польских караимов. Тем не менее однако, как тюрколог он имел отчетливое представление о состоянии этого языка. Несомненно, он был вполне убежден в необходимости проведения обновления языка путем замены чужих элементов родными; подобно тому, как это проводилось в Турции. Благодаря своему научному авторитету и занимаемой высокой должности, он главным образом указывал на основные направления языковых перемен.

В караимском обществе тех времен нашлись лица приветствовавшие культурное возрождение своего народа. К ним относятся прежде всего авторы произведений и активные общественные деятели. Среди них в ближайшем окружении С.М. Шапшала находились С.А. Фиркович (1897–1982) и также как он священник И. Лобанос (1878–1947). В особенности С.А. Фиркович был одним из первых, который понял нео-

бходимость сохранения и культивирования тюркских слов, словосочетаний и выражений. Об этом ярко свидетельствует язык его письменных произведений, лишенных почти целиком иноязычных элементов. Ежедневный разговорный язык литовско-польских караимов также многим обязан С.А. Фирковичу относительно внедрения, вышедшего часто из употребления, тюркского словарного Фонда. Забытая тюркская лексика почерпывалась им, как правило, на основании письменных источников.

И. Лобанос, в свою очередь, через долгие годы был попечителем молодежного кружка, ставящего себе за цель изучение и сохранение родного языка.

Поборниками обновления караимского языка были также писатели и общественные деятели А. Мардкович (1875–1944) и С. Рудковски (1873–1944). Оба они жили в Луцке и свои сочинения составляли на луцко-галицком диалекте караимского языка. В деятельности А. Мардковича необходимо отметить, что он, кроме письменных источников, скрупулезно собирал лексику путем опрашивания представителей старшего поколения, помнящих древние слова и выражения, вышедшие из ежедневного употребления. Собранный им старший пласт исконно тюркской лексики нашел отражение в его литературных сочинениях, а также в составленном им караимско-польско-немецком словаре².

Стремления к обновлению караимского языка в межвоенное время встречались с благосклонным поощрением и симпатией, а иногда и с доброжелательной критикой, со стороны польского ученого-тюрколога, профессора Ягеллонского университета, Т. Ковальского (1889–1948). Его близкие связи с выдающимися лицами караимского общества тех времен способствовали в значительной мере проведению необходимых языковых реформ.

Тенденции к языковым реформам в довоенной Польше нашли яркое отражение также в тогдашней Литве. Это оставило свой отпечаток прежде всего в письменности, а точнее в издаваемом Обществом караимов Литвы журнале „Опагмаш”. Редакторы журнала поддерживали, по мере возможности, постоянную связь с общественными деятелями караимских поселений в Польше. На основании оставшейся переписки явно следует, что новые веяния языковых реформ нашли ярких сторонников в лице представителей молодого поколения.

Вводимые реформы в Польше и отчасти в Литве встречались иногда с явлением чрезмерного языкового пуризма, что могло сказываться на непониманию читателями или слушателями. Пользуясь случаем целесообразно еще раз указать на сложившуюся ситуацию в Турции, где стар-

² A. Mardkowicz, *Karaj sez-bitigi — Słownik karaimski — Karaimisches Wörterbuch*, Luck 1935.

шее поколение вследствие значительных перемен в лексике зачастую не понимало молодых только по такой причине, что не было в состоянии усвоить быстро изменяющийся словарный состав языка.

В заключение обоснованным кажется вопрос как далеко или, вернее, как глубоко вошли в языковую практику вводимые в тридцатых годах обновленные и новые словарные единицы. Отвечая на это, прежде всего необходимо иметь в виду то обстоятельство, что караимское общество жило в отдельных и отдаленных от себя скоплениях. Средства связи и общения в довоенное время не находились на таком высоком уровне как сейчас и к тому еще между тогдашней Польшей и Литвой существовала почти непроницаемая государственная граница. Главное однако в том, что все тогдашние стремления направленные на обновление караимского языка не могли быть полностью осуществимы в так короткий промежуток времени. Тем не менее, и при таких условиях можно говорить если не о языковой революции, то по крайней мере, о начале постепенной языковой эволюции, задержанной годами второй мировой войны. Дальнейший ход истории караимской лексики совершался при других, позднейших и более сложных обстоятельствах, уходящих однако за пределы нынешнего обзора.